

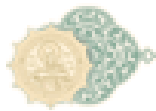

О содержаніи проповѣдей¹⁾.

IV. Проповѣдь на современныя темы (публицистическая).

Кромѣ омиліи, дающей изъясненіе священнаго Писанія,— слова, почерпающаго свое содержаніе изъ идеи церковнаго года, или изъ библейскихъ зачалъ и историческихъ воспоминаній, приуроченныхъ къ извѣстному дню года, и катихизическихъ поученій, изъясняющихъ сокращенныя изложенія вѣроученія, правоученія и молитвы, или элементарную азбуку христіанскую, есть еще видъ проповѣди, имѣющей исходною точкою запросы современности, называемый нынѣ, хотя не точно, проповѣдію публицистическою. Такая проповѣдь является и развивается если не рядомъ съ указанными тремя видами церковныхъ поученій, то параллельно имъ, и служитъ восполненіемъ ихъ. Между видами проповѣди,—омиліею, словомъ и катихизическимъ поученіемъ,—при видимомъ различіи исходныхъ точекъ, въ существѣ дѣла неразрывная родственная связь. Во всѣхъ нихъ кореннымъ источникомъ и исходною точкою служитъ слово Божіе, и вѣра церкви, на немъ основывающаяся; такъ какъ въ кругѣ церковнаго года и въ сокращенныхъ основахъ катихизическаго ученія содержится и представляется въ извѣстномъ порядкѣ та же истина божественнаго Откровенія, которая дана намъ въ книгахъ Священнаго Писанія. Во всѣхъ нихъ проповѣдники руководятся указаніями, данными сверху, и изъ готовой, твердо опредѣленной и неизмѣнной, сокровищницы берутъ матеріалъ, излагая его для назиданія народа. А въ публицистической проповѣди исходная точка берется снизу: проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на

¹⁾ См. Труды Киевской дух. Академіи, июль, 1903 г.

настроения, замѣчаемыя въ современной жизни, на недостатки, заблужденія и нравственныя болѣзни, заражающія поколѣнія, ему современное, и противъ нихъ направляетъ свое учительное слово.

Законность и необходимость такой проповѣди очевидна сама собою. Она служитъ восполненіемъ проповѣди, изясняющей слово Божіе и ученіе церкви, и оттуда берущей свою исходную точку, и часто настоятельно вызывается обстоятельствами времени. Если проповѣдникъ, при выборѣ матеріи для своихъ поученій, слѣдуетъ только указанію текста Писанія или идеи церковнаго года, то можетъ опустить изъ вниманія жизненные явленія, требующія отъ него освѣщенія и исправленія, и въ его словѣ, при всемъ богатствѣ и разнообразіи ученій, почерпаемыхъ изъ божественнаго источника, можетъ чувствоваться замѣтный пробѣлъ. Мало или не все исполняетъ проповѣдь, если она вѣрно излагаетъ божественную и церковную истину, данную для вѣры. Начала вѣры неизмѣнны; но жизнь течетъ и видоизмѣняется: это—постоянно волнующееся море, гдѣ нѣтъ твердой устойчивости. Каждое время выдвигаетъ на видъ такіе, а не другіе вопросы, и въ поколѣніяхъ, смѣняющихся одно другое, замѣтны разныя направленія. Нынѣ одни запросы волнуютъ общество, а послѣ они остаются въ тѣни, и вмѣсто нихъ получаютъ интересъ другіе. Равнымъ образомъ не одинаково содержаніе и направленіе духовно-религіозной жизни въ разныхъ мѣстностяхъ. Вѣра, проповѣдуемая въ церкви, всегда одна и та же, одна и та же и природа человѣческая, надъ усовершенствованіемъ которой трудится проповѣдникъ, и которую ведетъ ко спасенію; но мѣняются средства, употребляемыя врагами нашего спасенія для обольщенія дѣтей Адама, мѣняются и соблазны, какими міръ увлекаетъ людей съ пути спасенія на путь погибельный. Этимъ создается и предначертывается проповѣднику особый временный разрядъ матерій, требующихъ отъ него разъясненія, такъ сказать, не въ очередь. Правда, и проповѣдники, берущіе исходную точку въ неизмѣнныхъ источникахъ, Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинаріей
http://kda.is.kiev.ua

нія, не остаются безучастными къ запросамъ времени: они болѣе или менѣе направляютъ свое учительное слово къ потребностямъ стоящихъ предъ ними слушателей и должны ставить его такимъ образомъ. Но въ этомъ случаѣ отношеніе проповѣди къ современности случайное или посредственное: она, исходя изъ источника, указанного выше, настолько касается современной жизни, насколько ведетъ къ тому ассоціація представленій, вытекающихъ изъ темы общаго характера. При этомъ могутъ остаться незатронутыми главныя большыя мѣста современности, могутъ не найти отклика, отвѣта и исправленія насущные, животрепещущіе вопросы, волнующіе и соблазняющіе современное поколѣніе или кругъ людей извѣстной мѣстности. Бываютъ иногда, и довольно часто, такія обстоятельства, порождаемые текущимъ временемъ,—такія явленія и въ умственной и въ нравственной сферѣ, которыя настойчиво вызываютъ ревностнаго служителя церкви направлять слово вразумленія или обличенія уклоняющимся ли то отъ истины вѣры и соблазняющимъ своихъ собратій, или дозволяющимъ себѣ грубыя нарушенія церковнаго порядка жизни. Въ виду вопіющихъ болѣзненныхъ явленій въ современномъ обществѣ проповѣдникъ и можетъ и долженъ возставать противъ нихъ, оставляя въ сторонѣ или откладывая другіе предметы, входящіе въ кругъ обычныхъ его наставленій, то есть, можетъ и долженъ брать темы и вопросы для разъясненія, не держась того порядка, какой указывается ему идеєю церковнаго года или преемственнымъ рядомъ истинъ, почерпаемыхъ изъ слова Божія и ученія церкви, и совершенно независимо отъ нихъ.

Въ особенности въ большихъ городахъ, служащихъ центрами просвѣщенія, чувствуется потребность проповѣди, отвѣчающей на запросы современности. Здѣсь возникаютъ и утверждаются настроенія и направленія мысли, часто несогласныя съ желаніями и указаніями церкви, а иногда прямо враждебныя имъ. Защищаемыя и распространяемыя людьми, обладающими талантомъ, бойкимъ словомъ и борзымъ перомъ, они пріобрѣтаютъ сочувствіе въ обществѣ, и имъ

подчиняются люди, близъ нихъ живущіе и числящіеся членами церкви. И вотъ въ церкви, или рядомъ съ нею, образуется классъ общества, теряющій праотеческую вѣру, увлекающійся новыми модными учителями, не желающими знать церкви или не цѣнящими ея слова. Не тайна нынѣ, что въ значительной части образованнаго общества основами міровоззрѣнія служатъ вовсе не христіанскія начала и церковныя преданія, а идеи, навѣяныя ложною философіею, мудрствующею по стихіямъ міра, а не по Христѣ, и жизнь въ немъ устроится не по уставамъ церкви, а часто въ прямое нарушеніе ихъ. И вотъ, въ виду распространенія ложныхъ ученій, противныхъ истинной вѣрѣ, которыми могутъ соблазняться нетвердые духомъ, готовые колебаться отъ всякаго вѣтра ученія, носящагося въ воздухѣ, или въ виду утвержденія обычаевъ, противныхъ порядку, установленному и подерживаемому церковью, проповѣдникъ сознаніемъ своего долга и ревностію о духовномъ благѣ своихъ собратій вызывается говорить о томъ, чѣмъ болятъ окружающее его общество, и нести кому обличеніе, кому предостереженіе, кому исправленіе. Явленія, въ умственной ли то области, или нравственно-практической, возмущающія чистую христіанскую совѣсть, укореняющіяся въ жизни современнаго поколѣнія,—то же, что сорныя и вредныя тернія на полѣ, воздѣлываемомъ земледѣльцемъ, заглушающія пшеницу и не дающія ей простора для произрастанія. Земледѣлецъ при этомъ непременно обязанностію своею считаетъ исторгать эти тернія, предохраняя и освобождая отъ нихъ воздѣлываемую почву, для того, чтобы на ней чище и свободнѣе росло доброе сѣмя. Такъ точно долженъ поступать и проповѣдникъ, этотъ духовный сѣятель добраго сѣмени. Какъ скоро онъ видитъ, что на духовной почвѣ, на которую онъ сѣетъ сѣмя слова Божія, возрастаютъ вредныя плевелы, грозящія заглушить доброе сѣмя,—это прямой долгъ сѣятеля очищать воздѣлываемую имъ почву отъ вредныхъ плевелъ. Это имѣя въ виду апостолъ Павелъ, въ лицѣ Тимофея, заповѣдуетъ всѣмъ проповѣдникамъ слова Божія: *догматизируйте, и сѣйте, всѣмъ об-*

личай, да и прочіи страхъ имуть (1 Тим. V, 20), и въ другомъ мѣстѣ усиливаетъ это свое увѣщаніе, говоря: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣе и безвременнѣе, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ*, и чтобы показать необходимость настойчивой, благовременной и безвременной, обличительной проповѣди, онъ прибавляетъ: *будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотехъ изберутъ себѣ учителей, чешемъ слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ* (2 Тим. IV, 2—3). Значитъ, когда обнаруживаются признаки появленія такого времени, проповѣдникъ, согласно наставленію святаго апостола, долженъ выступить во всеоружіи противъ людей, уклоняющихся отъ здраваго ученія и идущихъ во слѣдъ учителей ложныхъ.

Святые отцы, оставившіе намъ достойный примѣръ въ своей проповѣднической дѣятельности, обнаруживали особенную чуткость къ запросамъ времени. Считая главною своею обязанностію изъясненіе слова Божія, они прерывали рядовое изъясненіе его текста, когда обстоятельства выдвигали предъ нимъ вопіющія нужды времени, и посвящали свое слово разъясненію вопросовъ, волновавшихъ современное имъ поколѣніе, съ цѣлю предостереженія вѣрующихъ отъ увлеченія еретическимъ заблужденіемъ, или въ видахъ возстановленія нарушеннаго порядка жизни. Такъ, когда Аріій и его послѣдователи взволновали христіанскій міръ своимъ нечестивымъ ученіемъ, отцы церкви въ своихъ проповѣдяхъ выступали горячими ратоборцами противъ него: въ праздники, при большомъ стеченіи народа въ храмѣ, они брали исходною точкою своихъ поученій тѣ жетолкованія святыхъ изреченій Писанія, какія распространяли аріане, и на опроверженіи ихъ и разъясненіи и утвержденіи истиннаго ученія христіанскаго, ими искажаемаго, сосредоточивали свое вниманіе и вниманіе своихъ слушателей. Такъ было и послѣ, когда возникали и распространялись другія ереси. Напримѣръ, въ вѣкъ Несторія его послѣдователи унижали богоматернее

достоинство пресвятой Дѣвы Маріи, и въ виду этой ереси всѣ отцы того времени, отъ которыхъ до насъ памятники проповѣдничества, считали своимъ долгомъ свое проповѣдное слово посвящать прославленію пресвятой Богоматери, и проповѣди въ честь Богоматери, вызванныя современными имъ еретическими толками, составляютъ самую видную часть въ гомилетической литературѣ, оставленной послѣдующимъ вѣкамъ отцами, жившими въ періодъ несторіанскихъ волненій. И не одиѣ ереси и теоретическія заблужденія вызывали обличительное и исправительное слово у проповѣдниковъ, стоящихъ на стражѣ охраненія вѣры и благочестія, но и нравственно-практическіе безпорядки, грубыя нарушенія закона, охраняемаго церковію, побуждали ихъ, оставивъ на время проповѣдь чистаго ученія, хранимаго въ церкви и указываемаго Писаніемъ, выступать съ нарочитымъ словомъ противъ безпорядковъ, возмущающихъ миръ и строй церковной жизни. Св. Іоаннъ Златоустъ и св. Василій Великій видѣли себя вынужденными и въ свѣтлые пасхальные дни говорить рѣзкое слово противъ пьянства, по поводу безчинствъ, учиненныхъ нѣкоторыми въ эти святые дни. Также, по временнымъ побужденіямъ, въ пасху же, св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ сильное слово противъ увлеченія театральными зрѣлищами, возмущенный тѣмъ, что константинопольцы въ страстную пятницу въ большомъ количествѣ были на конскомъ растилищѣ, а въ великую субботу въ театрѣ. И слова св. Василя Великаго о любостыжаніи и къ обогащающимся сказаны были во время голода и засухи, и вызваны были этимъ бѣдствіемъ, постигшимъ его согражданъ: видя великую нужду и страданія бѣдныхъ, святой отецъ старался смягчить жестокосердыхъ богачей и побудить ихъ придти на помощь бѣдствующимъ и облегчить ихъ страданія.

Кто, каждый ли настырь-проповѣдникъ долженъ вести проповѣди, отвѣчающія на запросы времени, означаемыя

нынѣ неточнымъ именемъ проповѣдей публицистическихъ? Конечно, на всѣхъ, приставленныхъ къ охраненію святой вѣры и благочестія въ народѣ, лежитъ обязанность быть внимательнымъ къ нуждамъ и запросамъ времени, проявляющимся въ кругѣ, близкомъ къ проповѣднику. И въ деревнѣ, въ сельскомъ уединеніи, можетъ потребоваться проповѣдь, въ удовлетвореніе какой-либо временной нужды. И тамъ могутъ являться и являются сектанты, которые соблазняютъ вѣрующій народъ; и тамъ могутъ встрѣтиться какія-либо чрезвычайныя обстоятельства, которыхъ не можетъ обходить вниманіемъ заботливый пастырь,—положимъ, пожаръ, уничтожившій имущество жителей деревни, и повергшій ихъ въ уныніе и нищету, или градъ, истребившій воздѣланную жатву, или какое-либо грубое нарушеніе порядка церковно-правственной жизни, напримѣръ, неприличное праздничное гульбище. Въ такихъ случаяхъ жизнь даетъ пастырю-проповѣднику матерію или вопросъ, на который онъ вызывается дать отвѣтъ, служащій предостереженіемъ отъ увлеченія, или утѣшеніемъ и успокоеніемъ опечаленныхъ при постигшемъ бѣдствіи, или возбужденіемъ избѣгшихъ гнѣва Божія къ посильной благотворительности нуждающимся.

Но сравнительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тихо течетъ жизнь, меньше поводовъ къ проповѣдямъ, отмѣченнымъ печатію современности, и исходною точкою берущимъ запросы, предлагаемые волнующимся и неспокойнымъ временемъ. Собственно говоря, мѣсто для публицистическихъ проповѣдей на кафедрахъ большихъ городовъ, въ которыхъ сосредоточиваются умственные силы поколѣнія, и гдѣ часто, рѣзко и громко, разглашаются ученія, мало имѣющія общаго съ вѣрою церкви. Здѣсь обыкновенно и пастыри обладаютъ большимъ образованіемъ, и болѣе способны вести борьбу съ заблужденіемъ, пользующимся оружіемъ науки, или съ укореняющимися обычаями жизни, несогласными съ требованіями закона Божія. Но часто и для нихъ является непосильною такая борьба, и

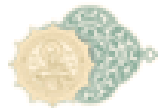

ихъ слово, при всемъ ихъ усердіи, не производить должнаго впечатлѣнія на тѣхъ, къ кому оно направляется. Чтобы съ успѣхомъ вести защиту церковнаго ученія предъ образованнымъ обществомъ, заражающимся ядомъ невѣрія, и показывать предъ нимъ несостоятельность новыхъ идей и направленій, проводимыхъ людьми, владѣющими немалую научною силою, отъ проповѣдника требуется много таланта, много знанія, знанія не только богословскаго, но и хорошаго знакомства съ тѣми ученіями, противъ которыхъ онъ выступать долженъ,—много силы и энергіи слова, и при этомъ глубокаго убѣжденія и горячей ревности къ защитѣ святой истины. Не всякій къ этому способенъ; не всякій обладаетъ такими высокими талантами, какіе требуются отъ защитника слова Божія, его вѣры и уставовъ, чтобы побѣдоносно отражать нападенія на вѣру и церковь со стороны людей, кичащихся образованіемъ, и производить впечатлѣніе на образованныхъ слушателей, сочувствующихъ ложнымъ ученіямъ. Потому желательно, чтобы тамъ, гдѣ настоятъ надобность защищать вѣру отъ нападеній невѣрія или лжевѣрія, и охранять народъ отъ заразы заблужденіемъ, ходячимъ подъ личиною истины, была учреждена или возстановлена особая должность проповѣдника, и чтобы на эту должность избирались люди, обладающіе талантомъ, знаніемъ и сильнымъ краснорѣчивымъ словомъ. Такіе проповѣдники могли-бы привлекать къ своей кафедрѣ толпы народа, не простаго только, но и образованнаго, и, снискавъ авторитетъ, могли-бы производить благотворное дѣйствіе на современное поколѣніе, увлекающееся или соблазняемое чуждыми идеями. Избраніе и постановленіе особыхъ проповѣдниковъ для утвержденія въ народѣ, въ особенностяхъ въ образованномъ обществѣ, преданности вѣрѣ и церкви, и для отраженія соблазнительныхъ ученій, носящихся въ воздухѣ эпохи, не было бы въ нашей церкви нововведеніемъ. Въ XVII столѣтіи въ южной и западной Россіи въ кафедральныхъ церквахъ и значительныхъ монастыряхъ были

избираемы и поставляемы въ проповѣдники люди, которыхъ считали болѣе сильными въ словѣ и ученіи, и имъ поручалось неустанное, возможно частое, проповѣданіе слова Божія. Вызвано было это учрежденіе особой должности проповѣдника опасностію, угрожавшею цѣлости православія со стороны иновѣрной пропаганды, производимой иезуитами, и поддерживаемой польскимъ правительствомъ. Въ виду этой опасности получившіе отъ церковныхъ властей благословенную грамоту на проповѣданіе слова Божія, между которыми были и учителя школъ, не имѣвшіе священнаго сана, должны были выступать на защиту правоотеческой вѣры, на удержаніе въ ней членовъ православнаго общества и на отраженіе тѣхъ соблазновъ и нападеній, какимъ подвергался народъ русскій, воспитанный въ православіи, и они съ усердіемъ и усиліемъ исполняли возлагаемый на нихъ долгъ, и ихъ заслуга отмѣчена въ исторіи. Нынѣ не менѣе ошутительна потребность въ защитѣ цѣлости вѣры и въ предохраненіи вѣрующихъ отъ соблазновъ и увлеченій ложными ученіями, чѣмъ въ XVII столѣтіи, когда противъ православія съ фанатическою ревностію возставали представители римскаго католичества. Слишкомъ усиливается и дерзко заявляетъ себя врагъ чистой вѣры, вооруженный знаніемъ, ссылающійся на послѣднее слово науки и разными способами распространяющій свои воззрѣнія, направленныя къ подрыву ученія христіанскаго, и на глазахъ нашихъ если не явно, то тайно, отпадаетъ отъ церкви значительная часть общества, причисляющая себя къ интеллигенціи.

Особые проповѣдники-іерокириксы—были и есть и нынѣ въ единовѣрной намъ Греціи. Они назначаются на цѣлый округъ, и обязываются проповѣдывать слово Божіе въ церквахъ этого округа, и они исполняютъ возложенное на нихъ дѣло, не развлекаемые обязанностями другого рода.

Въ римско-католическихъ странахъ на церковную каюедру проповѣдника, въ центральныхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ,

храмахъ приглашаются избранные ораторы, отъ которыхъ ожидаютъ, что они могутъ быть надежными руководителями образованнаго общества, и могутъ дѣйствовать на его убѣжденія. Такихъ ораторовъ-проповѣдниковъ собираются слушать толпы народа, особенно въ проповѣдническіе періоды, какими служатъ постъ *Adventus Domini*, соотвѣтствующій нашему рождественскому посту, и постъ святой чотырнадцатниды. Въ соборной парижской церкви Богоматери (*Notre Dame*) на дѣло проповѣдничества выискиваются и приглашаются люди, отличающіеся особенными орагорскими талантами. Являясь на церковной кафедрѣ главнаго храма города, эти избранные ораторы-проповѣдники своимъ сильнымъ и блестящимъ словомъ производятъ глубокое впечатлѣніе и собираютъ предъ своею кафедрою толпы народа разныхъ слоевъ и направленій, относящихся къ нимъ съ большимъ вниманіемъ. Своими проповѣдями они обыкновенно стараются отвѣчать на вопросы времени, направляя свое слово противъ тѣхъ нравственныхъ недуговъ, какими страдаетъ современное поколѣніе, и въ особенности образованная часть его, буди въ немъ загложіи святыя желанія. Проповѣди такого рода отмѣчены особымъ именемъ „*Conferences*“, и эти *Conferences* могутъ быть виднымъ образомъ публицистическихъ проповѣдей. Это названіе усвоено церковнымъ рѣчамъ въ защиту религіозныхъ истинъ въ виду заблужденій и ложныхъ стремленій времени. Первый представитель такого рода проповѣдей Фрейсину († 1834), открывшій *рѣчи о религіи* въ 1803 году, оставленный въ 1809 году Наполеономъ, и потомъ снова продолжавшій ихъ съ 1814 года по 1822 г. Дѣло, начатое Фрейсину, съ большимъ успѣхомъ продолжалъ доминиканецъ Лакордеръ, проповѣдывавшій десять лѣтъ, іезуитъ Равиньянъ, проповѣдывавшій семь лѣтъ, іезуитъ Феликсъ, приглашенный въ Парижъ изъ профессоровъ провинціальной семинаріи, проповѣдывавшій чотырнадцать лѣтъ (1856—1870), далѣе, наконецъ, Оливье и Монсабре. Если-бы нѣчто подобное было у

Труды Киевск. дух. Академіи Т. I, 1904 г.

насть, то есть, если бы у насъ въ столицахъ и большихъ городахъ, служащихъ центрами просвѣщенія, при кафедральныхъ церквахъ были особые проповѣдники, сильные словомъ и знающіе одно это дѣло, то отъ этого можно было бы ожидать и возвышенія проповѣди и большаго вліянія его на общество. Это было бы болѣе цѣлесообразно, чѣмъ нынѣшній порядокъ, по которому въ соборъ для проповѣди слова Божія приглашаются священники изъ другихъ церквей города и даже уѣзда. Эти случайные проповѣдники, являясь въ соборъ для произнесенія заказной проповѣди разъ или два въ году, имѣютъ предъ собою слушателей, которыхъ не знаютъ или мало знаютъ, и которые ихъ не знаютъ, и нужды и направленіе которыхъ имъ не вполне извѣстны. Отсюда неудивительно, что часто въ такихъ вынужденныхъ случайныхъ проповѣдяхъ не слышится живого и мѣткого слова, и общество не даритъ вниманіемъ мало знаемыхъ проповѣдниковъ. Болѣе практическое слово они могутъ предлагать своей паствѣ, которая вѣрена ихъ попеченію, и духовно-нравственное состояніе которой имъ болѣе или менѣе извѣстно. Зачѣмъ отвлекать ихъ отъ своей паствы и заставлять говорить назиданіе чужимъ людямъ?

Какъ же вести проповѣдь публицистическаго характера, исходною точкою своею поставляющую недостатки и заблужденія, замѣчаемыя въ современномъ поколѣніи? Такъ же, какъ и при раскрытіи слова Божія, твердо держась началъ вѣры. Исходная точка здѣсь другая; но это только вопросъ, требующій рѣшенія, а отвѣтъ на него долженъ быть данъ на основаніи слова Божія. Приспособленіе здѣсь въ выборѣ матеріи, а разъясненіе ея почерпается изъ неизмѣнной сокровищницы христіанскихъ истинъ. Нельзя допускать ни малѣйшаго измѣненія началъ вѣры Христовой; нельзя дѣлать никакой уступки въ виду ходячихъ заблужденій времени, никакого послабленія строгихъ требованій евангельскаго закона,

въ виду понизившейся нравственности и нежеланія подчиняться имъ со стороны разслабленной воли. Напротивъ, чѣмъ больше замѣчается отступленій отъ чистой вѣры въ направленіи современной мысли, чѣмъ больше невниманія къ строгимъ требованіямъ святаго закона, тѣмъ больше пастырь надобность проповѣднику во всей силѣ выставлѣть свѣтъ начала, пренебреженіе къ которымъ замѣтно у современниковъ, тѣмъ громче слѣдуетъ возвышать голосъ, въ обличеніе несостоятельности распространяющагося ложнаго направленія мысли, или грубыхъ нарушеній порядка, установленнаго церковію. Задача проповѣди не принижать высокихъ требованій божественнаго закона до уровня понизившейся жизни, въ видахъ привлеченія послѣдней къ примиренію съ идеаломъ, хотя въ половинной мѣрѣ, но возводить понизившуюся жизнь до той высоты, на какой она должна стоять, по требованію слова Божія и указанію церкви. Сбившихся съ прямого пути нужно вести на тотъ путь, который они утѣрили, а не оставлять ихъ на полудорогѣ.

Но легко проповѣднику, обсуждающему вопросы и явленія современности, по расчетамъ, кажущимся добрыми, низойти съ той высоты, на какой ставитъ его церковь, желающая видѣть въ немъ провозвѣстника свѣта и неизмѣнныхъ началъ вѣры. Идея примиренія христіанства съ современностію одна изъ заманчивыхъ идей, способная увлекать пылкіе умы, слѣдящіе за теченіемъ событій времени. Видя, что современная жизнь слишкомъ отвердѣла въ своихъ началахъ и не показываетъ ни малѣйшей склонности подчиняться высокимъ требованіямъ христіанскаго идеала, иные изъ проповѣдниковъ, какъ показываетъ исторія, готовы дѣлать уступки понизившейся жизни. Они воздерживаются отъ того, чтобы представлять христіанскій идеалъ во всей его чистотѣ и строгости, боясь этою строгостію утѣшить ослабленную волю и тѣмъ удалить ее отъ себя или отъ церкви, и съ угодливостію ищутъ точекъ соприкосновенія между божествен-

пыми началами, какія выставляеть церковь, и тѣми представ-
 леніями, какими живетъ уклоняющееся отъ церкви общество.
 Они умалчиваютъ о томъ высокомъ и святомъ въ божествен-
 номъ законѣ, что кажется жесткимъ и неудобопріемлемымъ
 для плотнаго, поникшаго долу, челоуѣка, хотя это высокое и
 святое составляетъ коренную суть святой истины, и пропо-
 вѣдуютъ, если и христіанство, то христіанство разжиженное
 и разслабленное. Въ ихъ устахъ слышится истина, но исти-
 на, на которой не видно печати божественнаго авторитета,
 но которая составляетъ плодъ естественнаго разума, и кото-
 рую находятъ удобопріемлемою для себя и люди, живущіе
 внѣ церкви Христовой. Могутъ пріобрѣтать славу и авто-
 ритетъ подобные проповѣдники у людей, тяготящихся высо-
 кими требованіями христіанскаго идеала, какіе составля-
 ютъ большинство нашей, такъ называемой, интеллигенціи.
 Имъ могутъ рукоплескать, могутъ толпами собираться слу-
 шать ихъ и говорить про нихъ: вотъ какіе проповѣдники
 должны быть, и какихъ мы хотимъ слушать! Едва-ли можетъ
 сопровождаться добрыми результатами такая проповѣдь; ско-
 рѣе отъ нея будетъ прямой вредъ, когда она вмѣсто того,
 чтобы поднять на высоту понизившуюся жизнь, старается, въ
 видахъ примиренія съ нею, къ ней приваровлять святое
 ученіе, беря изъ него угодное и удобопріемлемое для плот-
 ной мысли. Такими рѣчами не привлекаютъ въ церковь укло-
 няющихся отъ нея, а, убаякивая ихъ, утверждаютъ ихъ въ
 томъ направленіи, которое требуетъ исправленія, и заслужи-
 ваетъ осужденія предъ строгимъ судомъ Божиимъ. Къ та-
 кимъ проповѣдникамъ могутъ быть приложимы строгія пре-
 сненія на живыхъ пророковъ, какія мы читаемъ у пророка
 Іереміи. Они говорятъ: *миръ! миръ! когда нѣтъ мира.*
Они возглашаютъ: откровеніе! То есть, они, повидимому,
 проповѣдуютъ то, что повелѣно Господомъ. А между тѣмъ
 они проповѣдуютъ *ложь и обманъ своего сердца.* Господь
 Саваоѳъ говоритъ о такихъ пророкахъ: *не слушайте*

словъ ихъ: они обманываютъ васъ, разсказываютъ мечты сердца своего, а не отъ устъ Господнихъ. Я не посылалъ пророковъ сихъ, а они пророчествовали сами отъ себя. Ихъ слово такъ же отличается отъ истинной проповѣди, какъ мякина отъ чистаго зерна, и никакой пользы не приносятъ они народу своему (Іер. XXIII, 16—32).

Весьма естественно, что проповѣдники, говорящіе не отъ устъ Господнихъ, а разсказывающіе мечты своего сердца, или излагающіе идеи и представленія, подсказываемыя имъ ихъ мыслію, старающіеся приноровляться къ требованіямъ и желаніямъ среды, ихъ окружающей, встрѣчаютъ широкое сочувствіе у людей маловѣрующихъ или неправовѣрующихъ, находящихъ тяжелыми и неудобопріемлемыми для себя высокія требованія христіанскаго идеала. Они рады видѣть, что проповѣдники, являясь на церковной кафедрѣ, именемъ божественнаго авторитета утверждаютъ тѣ начала, какими руководятся въ жизни эти разслабленные христіане, и объ иномъ христіанскомъ идеалѣ, болѣе соответствующемъ чистому и высокому ученію Христову, они не захотятъ ни говорить, ни думать. Будутъ ли они искать новыхъ высшихъ благъ, ощущать потребность новой высшей истины, еще не достигнутой ими, когда поблажающіе имъ проповѣдники и вторящіе ихъ настроенію будутъ давать имъ чувствовать, что они богаты, идутъ надлежащимъ путемъ и ничего больше не требуютъ для себя? А между тѣмъ, если въ иномъ мѣстѣ, или рядомъ съ такою поблажающею проповѣдію будетъ раздаваться другого рода слово—чистое, высокое, воспроизводящее во всей силѣ требованія христіанской вѣры, и зовущее слушателей къ евангельскому совершенству, ублаживаемые примирительною проповѣдію отвернутся отъ проповѣдника, говорящаго отъ устъ Господнихъ и желающаго возвести слушателей на тѣ высоты, какія узаны Евангеліемъ. Можетъ быть, такое чистое и высокое

слово коснулось бы слуха некоторыхъ изъ маловѣрующихъ и возбудило бы ихъ вниманіе, если бы такого слова не за-слоняла поблажающая проповѣдь неосторожныхъ примирителей началъ вѣры съ современными воззрѣніями, далеко не отвѣчающими высокимъ требованіямъ христіанскаго идеала.

Въ настоящее время у насъ являются самозванные учителя, которые, не изучивъ науки вѣры, говорятъ самоувереннымъ тономъ о предметахъ весьма богословскаго вѣдѣнія, и проповѣдуютъ новое христіанство, отличное отъ того, какое въ теченіе двѣнадцати вѣковъ неизмѣнно исповѣдывали истинные послѣдователи Господа Иисуса Христа. Они напѣли и указываютъ исповѣдникамъ Христова ученія *новый путь*, какого не замѣчали прежніе учителя вѣры, и требуютъ, чтобы провозвѣстники слова Божія вступили на этотъ новый путь. Тогда-де ихъ будутъ слушать, и они принесутъ именно то, чего ждетъ и жаждетъ душа, ищущая примиренія съ церковію. И находятся, къ глубокому при-скорбію вѣрныхъ чадъ церкви, и въ средѣ духовныхъ лицъ единицы, съ сочувствіемъ внимающія толкамъ новопутейцевъ, и готовые отвѣчать ихъ зову, то есть, возвыщать не слово Божіе, а слово человеческое съ его естественною нравствен-ностію и земными идеалами. При вѣдѣнныхъ достоинствахъ такая новая проповѣдь пользуется большимъ успѣхомъ среди нашей интеллигенціи, хромающей на оба колѣна въ дѣлѣ вѣры и порывающей связи съ церковью, и такихъ новыхъ проповѣдниковъ она окружаетъ почетомъ и славой. А благо-честивая часть слушателей, преданная церкви, не безъ скор-би чувствуетъ въ этой новой проповѣди приниженіе высо-кихъ началъ богопреданной вѣры, на которыхъ зиждется достоинство проповѣди, и которыхъ она должна держаться, и какъ бы красиво ни излагалась проповѣдь въ духѣ ново-путейцевъ, какъ бы громко ни раздавалась, она не даетъ

удовлетворенія людямъ, воспитаннымъ на началахъ святой отеческой вѣры, и они при ней будутъ чувствовать пустоту въ сердцѣ или гладъ слышанія слова Божія. А интеллигенція, отшатнувшаяся отъ церкви, съ восторгомъ слушающая проповѣдниковъ, имъ угождающихъ, то есть, говорящихъ въ ихъ толѣ и духѣ, вмѣсто того, чтобы самой сблизиться съ церковію, отъ такой проповѣди, скорѣе увлечетъ за собою тѣхъ, кто желаетъ быть угодными ей руководителями.

Что собственно не нравится интеллигенціи, ищущей новаго пути для проповѣдниковъ слова Божія, въ прежнихъ проповѣдникахъ и учителяхъ церкви? Не нравится то, что служители церкви влекутъ людей къ небу, а забываютъ о землѣ,—говорятъ о спасеніи души и вѣчномъ блаженствѣ, а не думаютъ устроить земное благополучіе, водворять царство Божіе на землѣ,—царство Божіе, понимаемое ими своеобразно. Представители новаго пути узаконяютъ культъ плоти и признаютъ нормальными требованія закона, сущаго во удѣхъ нашихъ, противоявляющаго закону ума нашего, который Апостолъ противопоставляетъ закону Божію, и прямо называетъ закономъ грѣховнымъ (Рим. VII, 22—23), и потому требуютъ, чтобы не стѣсняли названныхъ стремленій нашей природы, а давали имъ полный просторъ и удовлетвореніе. И только тогда они готовы войти въ единеніе съ церковью и жить ея жизнью. Никакой проповѣдникъ, сознающій свое призваніе, не можетъ отозваться сочувствіемъ на такой странный зовъ. Для него начертанъ неизмѣнный чистый идеалъ въ Евангеліи, и онъ ни на одну іоту не можетъ отступить отъ него, и что-либо измѣнить или ослабить въ немъ. Выдумывать какое-либо новое христіанство, менѣе строгое, болѣе угодливое нашей плоти,—дѣло еретиковъ и отступниковъ. У христіанскаго проповѣдника перифе всего въ виду должны быть духовные вѣковѣчные интересы, и они не могутъ быть принесены въ жертву интересамъ времен-

нымъ, земнымъ, скоропреходящимъ, служащимъ часто къ удовлетворенію нашей похоти. О земномъ благополучіи, объ устроеніи и усовершенствованіи внѣшняго быта человѣка, о лучшихъ способахъ удовлетворенія потребностей низменныхъ, житейскихъ говоритъ—дѣло мірскихъ учителей, которыхъ много, гораздо больше, чѣмъ учителей церковныхъ. Зачѣмъ требовать этого, и именно этого по преимуществу, отъ служителей церкви, въ которой люди ищутъ спасенія души, а не угодливости плоти? Можно, конечно, говорить и съ церковной кафедры о предметахъ, относящихся къ устроенію внѣшняго, житейскаго благополучія человѣка или общества, и часто слышался прежде, и нынѣ слышится голосъ пастырей церкви, убѣждающій вѣрующихъ къ взаимной любви, согласію, милосердію къ бѣдствующимъ, преданности и повиновенію предержащимъ властямъ, и т. под., что, полагаемъ, не безъ значенія для возвышенія и утвержденія того благополучія, котораго ищеть человѣкъ на землѣ. Церковь не-безучастна къ внѣшнему земному благу нашему. Она, какъ всѣмъ извѣстно, неусыпно молится о благораствореніи воз-духовъ, изобиліи плодовъ земныхъ и временахъ мирныхъ, молится объ избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, отъ глада, губительства, труса, потона, огня, меча, нашествія иноплемennыхъ, междоусобныя брани, и смертоносныя язвы, а когда постигаютъ тотъ или другой край какія-либо тяжелыя бѣдствія, напримѣръ, засуха и бездождіе, угрожающее голодомъ, губительная болѣзнь, война, она усиливаетъ свои моленія, и къ своимъ ежедневнымъ молитвамъ присоединяетъ новыя моленія, прося у Бога избавленія отъ бѣдъ, насъ постигшихъ. Молитвамъ церкви отвѣчаетъ проповѣдническій голосъ ея пастырей. Можно ли отсюда обвинять церковь и ея представителей въ пренебреженіи къ внѣшнему благу нашему? По ея возбужденію и подъ ея покровомъ возникали и существуютъ многіе благотворительныя

учрежденія, устроеныя для удовлетворенія потребностей людей, нуждающихся въ чужой помощи,—нищихъ, больныхъ, странниковъ, и для облегченія страданій лицъ, застигнутыхъ какою-либо бѣдою. У ней издавна привыкли искать помощи и нынѣ ищутъ калѣки, убогіе, слѣпые, не могущіе пропитывать себя своими трудами, и гдѣ вы больше видите такихъ просителей подаенія на насущный хлѣбъ, если не у папертей церковныхъ? Обвиненіе церкви и ея представителей въ пренебреженія земнымъ благополучіемъ челоѣка основано, можно сказать, на недомыслии или непониманіи истиннаго духа христіанства. Дѣло въ томъ, что церковь, вѣрная за-вѣтамъ Христа, имѣетъ въ виду внутренняго челоѣка, а не вѣшняго, душу хочетъ обновить и спасти, а не угрождать тѣлу; цѣль, къ какой ведетъ она насъ,—наше спасеніе, и сюда направлена и здѣсь сосредоточена ея заботливая любовь о насъ. Но, ведя насъ ко спасенію, воспитывая для царства Божія и желая направить всѣхъ на путь добродѣтели, церковь чрезъ то самое способствуетъ улучшенію нашего вѣшняго благосостоянія. Она въ жизни людской кладетъ и утверждаетъ нравственныя основы, отъ крѣпости которыхъ больше зависитъ счастье челоѣка, чѣмъ отъ средствъ матеріальнаго свойства, рекомендуемыхъ и распространяемыхъ заботою и мудростію людей міра. Пусть эти дѣлаютъ свое дѣло, и чѣмъ усѣбшѣе будетъ ихъ дѣланіе, тѣмъ лучше; но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть не возлагаютъ на ремена представителей церкви своего собственнаго дѣла, и пусть съ благодарностію, а не укоризнами принимаютъ то содѣйствіе утвержденію вѣшняго благополучія челоѣка, какое оказываетъ церковь, вкореня въ душахъ начала нравственнаго закона Христова, оказывающія такое благотворное вліяніе на личный, семейный и общественный бытъ людей, ему слѣдующихъ. Забота о нашемъ спасеніи всегда была и всегда пусть будетъ главнымъ передаточнымъ пунктомъ церковной

слушателей мудрованіемъ человѣческимъ,—направленіе опасное. Оно можетъ проистекать и изъ добраго чувства, когда проповѣдникъ замѣчаетъ неуваженіе къ библейскимъ и церковнымъ свидѣтельствамъ въ окружающемъ его обществѣ; но приспособленіе къ слушателямъ и ихъ настроенію должно быть крайне осторожное, и не должно выходить изъ границъ, предписываемыхъ благоговѣніемъ къ Откровенію и вѣрѣ, на немъ основываемой. Иначе, незамѣтно для самого проповѣдника, имъ овладѣетъ духъ, чуждый церкви. Онъ будетъ говорить не какъ служитель Божій и человѣкъ вѣры, а какъ служитель разума: въ его ученіе могутъ вторгаться мнѣнія, уклоняющіяся отъ строгихъ и чистыхъ началъ вѣры, и онъ навикаетъ подчинять законамъ ума все, содержащееся въ откровенномъ ученіи церкви¹⁾. Стоитъ разъ выпустить изъ рукъ тѣ твердыя начала, которыми сильно слово христіанскаго проповѣдника,—начала, запечатлѣнные божественнымъ авторитетомъ, какъ проповѣдникъ лишаетъ себя надежной точки опоры и создаетъ для себя положеніе, полное нескончаемыхъ колебаній; стоитъ разъ отшатнуться отъ твердаго берега и увлечься волнами человѣческихъ мнѣній, чтобы потомъ на долго не имѣть устойчивости и потерять изъ виду безопасную пристань. И нашъ гомилетъ—Амфитеатровъ—предостерегаетъ проповѣдниковъ отъ такого направленія, слѣдуя которому иные изъ проповѣдующихъ слово Божіе и ученіе вѣры, вмѣсто того, чтобы пользоваться доказательствами библейскими, слишкомъ широкое мѣсто даютъ разсудочному элементу, и думаютъ все примирять и объяснять по началамъ разума, и мудрованіемъ человѣче-

¹⁾ См. нашу книгу: *Гомилетика въ новое время, послѣ реформации Лютера*, стр. 138—139. *Anweisung erbaulich zu predigen, von Mosheim, Erste Hauptstück. §§ 5 und 9, s. 130—135, 163—175.*

скимъ хотять рѣшать важнѣйшіе вопросы о предметахъ вѣры и церкви. Проповѣдники, слишкомъ далеко заходящіе въ этомъ направленіи, сравниваются, по его словамъ, съ корчемниками, которые ради сквернаго прибытка мѣшаютъ вино съ водою, и это сравненіе онъ беретъ у блаж. Теодорита и Оеофилакта, изъ ихъ толкованій на второе посланіе къ коринѳянамъ (11, 17), гдѣ говорится о людяхъ, не чисто проповѣдающихъ слово Божіе ¹⁾.

Мы предвидимъ возраженія по поводу такихъ предостереженій проповѣдникамъ, заимствованныхъ нами у авторитетныхъ представителей науки о проповѣдничествѣ. Ужели (могутъ сказать намъ) въ церковной проповѣди, особенно въ проповѣди, обращенной къ людямъ рационалистическаго направленія, не должно быть мѣста для доказательствъ отъ разума? Нѣтъ, нельзя такъ понимать предостереженія, обращенныя къ проповѣдникамъ людьми строго-христіанскаго образа мыслей: они отнюдь не запрещаютъ пользоваться разсудочными доказательствами въ проповѣдяхъ и предостерегаютъ только отъ излишняго довѣрія разуму и пользованія имъ однимъ, въ ущербъ вѣрѣ, въ надеждѣ привести въ единеніе съ собою людей, уклоняющихся отъ ученія церкви. Разумъ не только можетъ, но и долженъ быть призванъ къ служенію вѣрѣ и къ достиженію цѣлей назиданія. Вѣра наша, выступающая на борьбу съ заблужденіемъ, должна быть не только твердою, но и разумною, и чѣмъ больше въ ней видно разума, тѣмъ сильнѣе она можетъ дѣйствовать. Между вѣрою, опирающеюся на сверхъестественное откровеніе, и разумомъ, руководящимся естественными началами и пособіями, стоящими въ его распоряженіи, не должно быть противорѣчія.

¹⁾ Чтенія о церковной словесности или Гомилетика Амфиотатрова. Ч. 2, стр. 90 — 1.

Естественное откровеніе, которымъ руководился разумъ, дано намъ тѣмъ же Творцомъ, который сообщилъ намъ и сверхъестественное Откровеніе. Но ихъ нельзя равнять по силѣ свѣта истины. Разумъ, въ настоящемъ нашемъ поврежденномъ состояніи, тускло видитъ истину, и вслѣдствіе этого часто заблуждается и принимаетъ ложное направленіе; многое для него изъ области высшихъ, небесныхъ истинъ мало понятно. Сверхъестественное Откровеніе и дано человѣку въ помощь разуму, утратившему свою зоркость, и оно главнымъ образомъ простирается на такіе предметы, какіе недостижимы для разума, умѣющаго хорошо разсматривать всегда видимый, земной образъ бытія. Пользуйтесь разумомъ, при изясненіи религіозныхъ истинъ; только знайте, что онъ не главный рѣшитель въ кругѣ тѣхъ предметовъ, которые постигаются вѣрою, и разъясняются для насъ Откровеніемъ. Проповѣдникъ говоритъ во имя Божіе: этого онъ никогда не долженъ упускать изъ вида. Его слово потеряетъ свою силу и свое значеніе, когда онъ, раскрывая истину, оставитъ въ тѣни авторитетъ божественный, и захочетъ утверждать свое ученіе одними естественными соображеніями.

Тѣмъ менѣе можетъ быть вызываемо и оправдываемо и практическими соображеніями пользованіе въ церковной проповѣди одними естественными, разсудочными доказательствами, при изложеніи истинъ религіи, въ угоду людямъ невѣрующимъ, не дающимъ цѣны доказательствамъ библейскимъ, что люди невѣрующіе не являются, или являются весьма рѣдко предъ церковною каедрою. Зачѣмъ же, въ угоду имъ, измѣнять тѣмъ началамъ, какими укрѣпляется церковное проповѣдническое слово? Слово проповѣдника, возвыщаемое съ церковной каедры, предъ людьми вѣрующими, имѣетъ свою задачу не столько нападеніе на заблуждающихся и невѣрующихъ, сколько предостереженіе вѣрующихъ отъ увлеченія заблужденіемъ. Проповѣдь должна назидать, а не ниспровергать,

давать руководство для христіанской вѣры и жизни людямъ, нуждающимся въ этомъ руководствѣ и требующимъ его, а не входить въ пренирательства съ искажающими чистую истину.

Дидактическіе уроки и чтенія, въ которыхъ, при пособіи естественнаго разумѣнія, обсуждаются и разбираются положенія религіозной философіи и іюйки, и опровергаются заблужденія и ложныя идеи, распространяемыя свѣтскою литературою и увлекающія современниковъ, могутъ имѣть значеніе и могутъ производить благотворное вліяніе, особенно если они предлагаются въ увлекательной формѣ. Но ихъ мѣсто, по словамъ Юнгманна, одного изъ лучшихъ гомилетовъ послѣдней половины истекшаго столѣтія, „не въ храмѣ, а въ салонѣ или въ свѣтской аудиторіи, куда допускается избранная публика по билетамъ, и гдѣ они могутъ быть предлагаемы и выслушиваемы при газовомъ или электрическомъ освѣщеніи. Это не слово Божіе, какое обязанъ возвѣщать христіанскій проповѣдникъ. Христіанскій проповѣдникъ безъ нужды не долженъ прибѣгать къ такимъ чисто естественнымъ средствамъ для утвержденія и распространенія между людьми царствія Божія; иначе его могутъ упрекнуть въ томъ, что онъ уираздняетъ крестъ Христовъ (1 Кор. 1, 17); ибо въ этомъ случаѣ, вопреки примѣру и наставленію Апостола, онъ проповѣдуетъ не въ явленіи *духа и силы*, но въ *препрѣтельныхъ* *человѣческихъ* *премудрости словесехъ* (1 Кор. 11, 4)“¹⁾.

В. Пѣвницкій.

¹⁾ См. нашу книгу: „Гомилетика въ новое время, послѣ реформація Лютера“, стр. 471. *Theorie der geistlichen Beredsamkeit*, v. Jungmann. *Zehntes Kapitel*, s. 639—633. 643.